

The background of the cover is a detailed illustration. On the left, a woman with long red hair, wearing a white gown with gold trim and a crown, stands with her right hand on the shoulder of a man. The man is seen from the back, wearing chainmail and a red cape with a black eagle emblem. He is looking down. In the background, several other figures in medieval-style clothing are visible, including a man with a long white beard and a woman in a brown dress. The scene is set in a dimly lit, stone-walled interior.

Лада Виольева

Архангел свободы

*АККОЛАДА.
Сборник стихов*

12+

Лада Виольева
Архангел свободы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Виольева Л.

Архангел свободы / Л. Виольева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Бог непостижим уму человеческому. Но сердце может коснуться Бога! Это знают святые. А иногда – по великой милости свыше – может узнать поэт. Тогда касание ангельского крыла ощущается вспышкой – да! – беспредельной и страшной свободы. Посвящающей в духовное рыцарство. И от этого сполоха потусторонней тайны здесь на бумагу тенью, как сам собою, ложится стих. На обложке – фрагмент картины Эдмунда Лейтона «Акколада» (посвящение), 1901 г.

Содержание

Архангел свободы	5
Русь – невеста	6
Где хорошо	7
Солнечный Мальчик	8
Ангелу-хранителю	9
Царственное слово	10
Заря	11
Книга сердец	12
Время ангелов	13
Белая маска	14
Ледоход	16
Проклятие смоковницы	17
Утро и снег	18
Пыль	19
Бастион	20
Последняя битва	21
Нашествие	22
Рыцарь	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Архангел свободы

Присутствие крыла... Прохлада летней ночи...
И дружное свечение миров.
И первый путь един. Душа иных не хочет.
И прост и ясен храм первооснов.

Кромешной тишиной объята храма своды.
Вдруг, звонкий, тишь нарушил звук один.
То меч воспел в руке архангела Свободы —
Хранителя величия глубин.

О чем же он воспел – дитя огня и стали?
Что долог путь избранника Небес,
Что бесконечен бой, и что глаза устали
Искать просвет сквозь непроглядный лес

Невежества, предательства, безволя.
Но ангелы не ведают тоски.
Порой им крылья жгут, бьют в спину из подполья,
Наградой – крышка гроба в три доски.

Но за Свободу бой идет великий снова.
И твердо сердце, и тверда рука.
Под сводом тишины архангел слышит Слово
И в бой идет. И меч разит врага.
9 июня 2014, праздник Духов День.

Русь – невеста

*...ибо наступил брак Агнца, и жена Его приготовила себя. И дано было ей облечься в виссон чистый и светлый; виссон же есть праведность святых.
(Откр. 19; 7—8).*

Летит на север путь исканий,
Где подвенечная земля.
И над венцом седых преданий
Сверкает млечная петля.

По ней веселые пророки
Шли, достигая дивных стран,
Сплетая таин светлых токи
В покров тончайший, как туман.

Однажды он на эту землю
Падет фатою на лицо...
Уж близок пир. И *Слову* внимлет
Невеста, ждущая *кольцо*.
25.01.98

Где хорошо

«Где-то там хорошо, где нас нет» —
Всё прекрасное – где-то далёко.
А где мы – полутьма, полусвет...
Даже свежие краски поблёкли.

Здесь не сказка вокруг – пелена.
Словно дым от пожарища – тучи.
(Так надеемся мы, что страна —
Где-то там, вдалеке – станет лучше.)

Умираем, рождаемся вновь,
Забывая простую примету:
Только там хорошо, где – любовь,
Где отдельности нашей уж нету.

15.09.2010

Солнечный Мальчик

Где тишина меж молчаньем и речью,
Словно крючок меж водою и небом,
Светит луна, поделившая речку.
Здесь на меже – то ли был, то ли не был.

Вышел навстречу мне Солнечный Мальчик
Вдоль по дорожке пресветлой подлунной.
В небе – луна, как подброшенный мячик.
Смех твой – залихватый и звонкострунный...

Две половины, две бездны открылись —
Не оступись, проходя между ними —
Мрака СЕГОДНЯ раскинуты крылья;
Света ж «Я есмь» – это ПРИСНОЕ Имя.
09.12.97

Евангелист Матфей в образе Ангела. Фрагмент росписи. Фото из архива автора

Ангелу-хранителю

Присутствие Твое едва заметно,
Но сердце, вдохновенное, стучит.
Тобою небеса и ночью светлы,
И тишина беззвучием звучит.

Ты мне сказал: недаром все спокойно
и встречи ждет, все полно бытия...
На краткий миг вся жизнь предстала стройной —
Причастницею кроткого огня.

Был этот проблеск посреди дороги
Касанием прозрачного крыла.
Был первым мне о, благостные боги,
И стал последним, коей здесь была.

Царственное слово

Там кто-то плачет, а потом пророчит.
Там кто-то шепчет, а потом взгрустнет.
Он собирал рассеянные ночи
Под створки неба, в прочный переплет.

Он говорил про царственное слово:
Оно для нас и мост, и дверь, и храм.
Оно и после, как в начале, ново
Пребудет вечной мерою мирам.

Все есть Его единое дыханье,
Развернутое в плоскость бытия.
Всего себя Творец отдал созданию
Мы есть одно с тобою: ты и я.

Так говорил он, собирая ночи
Под створки неба, в прочный переплет.
Но он ушел...
Кто ж светит? Кто пророчит?
Когда закончен здесь Его полет.
28.10.97

Заря

Ночные сумерки.
Родные небеса
Вот-вот зажгутся утренней зарею,
А на траве алмазная роса
Уж вспыхивает звездами порою.

По бархату невиданной травы
Я выйду на прозрачную поляну,
Притихшую в предчувствии канвы,
Что солнце вышивает по туману.

Вьюнком увитый золотой покой
У зеркала лесной запруды темной,
Поток лучей беспечно-огневой
Пронзает утро сладостно и томно.
22.08.1997

Книга сердец

В лабиринте зимних комнат —
Колокольный звон.
Теплый свет от свечек помнит
Книгу и амвон.

В книге той (слежу глазами) —
Имена-сердца.
Грядет Всадник над стихами,
Не открыв лица.

Мчится Всадник безымянный
Впереди знамен.
Зимний воздух свежий, пряный
Дышит на амвон.

Время ангелов

Расплетены уж косы навьи
И полон снов небытия
Храм на горе – забиты ставни,
Над храмом – стаи воронья.

Да черных туч грядет армада,
Крест поглощая золотой,
И тьма, напоенная ядом,
Казалась сильной и густой.

Ничто, ничто о Солнце Вечном
Не говорило в темноте.
Вдруг тихим ангелом беспечный —
Сверкает луч на том кресте!

И ничего не изменилось.
Сиянья миг – и все прошло.
Но сердце радостно забилося:
Знать, время ангелов – пришло!
1996

Белая маска

Об ангеле с оленьими глазами
Упоминал старинный патерик.
Ловитва нас... охотимся ли сами... —
Один заасфальтированный крик

Прозяб в пустыне... Сквозь коросту будней —
Под маской сбереженного лица —
Лобзанье уст. Беспечней, не подсудней
Тернова соносители венца

Поцеловали рай пречистой дружбы,
Где правит вдохновение судьбой.
А оторопи маски только нужны,
Чтоб амбразуру не закрыть собой,

Когда возможно трупом или тюком
На миг отвлечь жестокого врага,
Кто бич миров. Протягиваю руку —
Под маской пусть встречается рука

С рукою же. Да будет это действие
Таинственно! Собою нарасхват
Разбрасывалось пьяное злодейство,
Кляня в сердцах... Но трезвенный захват

Премудрых виночерпий от Начала
Запечатлел: – Храни оленью масть
И ангелов глаза, чтоб не устала
Твоя свобода истинное ясть!

Игрою карнавала Откровенье
Народам обещавшее целить
Листами Древа всяко нестроенье
И мужествами масок смело жить,

Открыв забрало. Истина простая:
Храни в темницах сутемь веков
Из белой маски – сквозь асфальт – в растая
Туда,
где нет
ни масок
ни
оков.

16 марта 2019

С. Ю. Жуковский, «Ледоход», 1890-е, холст, масло

Ледоход

Может быть, это просто весна
И на реках сдвигается лёд.
Нам с тобою, душа, не до сна —
Нас на льдине стремнина несёт...

Ты сказала: то верная смерть. —
Но смеются сквозь слёзы глаза.
Ледоход на реке – круговерть —
Нам с тобой не вернуться назад.

Может быть это просто любовь
Отнимает опору от ног.
Это было и раньше, и вновь:
Кто – плывет до конца, кто – не смог.

Так молись и очерчивай круг
И весну как свободу прими.
Канет в прошлое тяжкий недуг.
Только радость с собою возьми.

Только радость. А лёд по весне —
Он растает и станет рекой
полноводной,
как святость во сне:
как надежда на вечный Покой.

Проклятие смоковницы

Спаситель проклял смоковницу, что не принесла плода, когда Он взалкал: «...отныне да не вкушает никто от тебя плода вовек!» (Мк 11; 14).

Ангел ясный, ты открыл мне взоры,
Ты явил всю ложь *моей свободы* —
Произвол, что превращает горы
В битый щебень от пустой породы.

И карету Золушки печальной
Обращает он в угар домашний —
«Все исчезнет. Правит лишь случайность.
Здесь, сейчас – не суть, а день вчерашний».

И молчит смоковница на Слово,
Не подаст плода Тому, Кто жаждет!
О, душа, ты *не успела* снова,
Опоздала быть – и вечно страдаешь.

Вот оно – мое страданье – стонет,
Мучимо бесплодностью убогой.
Пусть оно само в себя утонет.
Ангел мой, *иной* веди дорогой.

Как душе нужна Твоя ограда
От нее самой!
Из рода в роды
Да цветут Иевусеев града
Вечные смоковницы Свободы!
В ночь с 5 на 6 октября 1997

Утро и снег

В кои-то веки —
утро и снег...
белые реки,
утренний век.

поле стальное,
стальные леса, —
а остальное —
белей белеса.

лапает вечер
утренний век
и – не замечен —
падает в снег

снежного поля,
в полночный лес, —
вечная доля
святых небес...
3 апреля 2015

Пыль

Исчезла неподвижность дали...
Огнями дивными маня,
Явился путь, как отблеск стали,
И Взгляд, взыскующий меня...

Был мир когда-то ярок звонок.
Всем балаганным чудесам,
Всем стрелам верил, как ребенок,
И молчаливым голосам.

Кружился в бессловесной взвеси
Чужое небо теребя,
Как будто шторой занавесив
Окно, смотрящее в Тебя...

Поток летящих сновидений —
Супонь цыганского коня —
Чреда души моей пленений
Без слез, без счастья, без огня.

Но час настал. И вихорь пыли
Застыл и канул навсегда.
И даль, где мы когда-то были,
Произнесла не НЕТ, но – ДА.

Летел в недвижимом движенье
Прямой стрелой калёной – путь...
Покинул пленник отраженья
И – не догнать, не повернуть.

Бастион

Лодки на мутной реке,
Книга, вспоровшая сонь.
Дай мне в прохладной руке
Богом пронзенный огонь.

Видишь, пылают костры,
Лязг и серебрянный звон —
Это сплотились миры
Твой покорить бастион.

В кои-то веки они
Вместе едины теперь.
Сдвинулись, струнулись дни
Выломать тайную Дверь.

Дай же обещанный меч —
Древнее знание Земли:
Память космических сеч,
Канувших в звездной пыли.

И ложись на меня —
Верный Твой раб у Двери —
Твой бастион – это я,
Камень в оправе Зари.
18.10.96

Последняя битва

Я последнюю волю отдам
Снам глубоким, внимающим Сказке,
Рад их детским благим чудесам.
И до самой последней развязки

Я не выйду в немотную ночь
На дрожащей болезненной тени.
Всем убийцам твоим изнемочь
Предстоит на последней ступени.

Подожди до весны, вечный враг,
Сам я выйду сразиться в тумане
За коварный и скрытый овраг,
На болотной нетвердой поляне.

Ты привык *здесь* к неравной борьбе,
И победа тебя не излечит.
Но и ты, покоровшись Судьбе,
Подойдешь к уготованной встрече.

Я, как видишь, устал уж играть,
Обходя все ловушки земные.
Распускай, князь, болотную рать,
Все долги возвращаются ныне.
19.09.97.

Нашествие

Неподвижен и скован летящий в седле
Конь уставший хрипит
Вокруг города табор. В цыганском котле
Наша страсть, наше время кипит.

Средь кострищ обручальное светит кольцо
И смеется огонь.
Табор весь будет вывернут дном налицо
Золотая супонь.

И не надо картечи, не надо штыков
Город словно дитя.
Едет поезд веселых и добрых шутов,
Лихо в поле свистя.

Молодые дворяне, развежась в тоске —
Утром пуля в висок.
Чья-то с перстнем рука на прозрачной леске
Держит пестрый поток.

В обезглавленный город войдет господин —
Наши пушки молчат
Знают дело враги: не уйдет ни один,
Только птицы кричат.
21.09.97

Рыцарь

Сил пройти до конца не подарит земля.
Я сминою, шагая, цветок за цветком.
Весь – глухое забрало, меч, крепкий темляк
И прохладное сердце за белым щитом.

Я давно потерял вороного коня
И, похоже, навеки сжился со мной гнев.
Верю только в надежную верность Огня¹
И еще в безупречность Твоих королев.

¹ «Бог есть огонь всепожаряющий...» (Евр 12; 29), то есть воздающий по справедливости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.